

Русский
толстый
журнал как
эстетический
феномен

критика
политического
разума

Последнее обновление: 21.01.2013 / 17:37

Обратная связь: zhz@russ.ru

Все проекты ЖЗ:

Новые поступления

Афиша

Авторы

Обозрения

О проекте

Архив

Поиск

Опубликовано в
журнале:

«Вестник
Европы» 2012,
№34-35

Нравится 1

Владимир Кантор

Георгий Федотов: фашизм и большевизм как борьба с разумом

версия для печати (98590)

« « » »

Георгий Федотов:

фашизм и большевизм как борьба с разумом

Владимир Кантор

Фашизм как умонастроение эпохи: гибель Европы

истории мировой культуры, в человеческой истории, истории мысли существуют свои антиномии, которые по-разному проявляются в разные эпохи, оказывая влияние на социально-духовную и политическую жизнь, можно даже сказать, на жизнь и смерть человека. В духовной жизни, которая определяет и человеческую социальность, существует противостояние рационального и иррационального. Фашизм в мировой истории как раз и был явлением иррационализма. В этом контексте рассмотрим идеи Георгия Федотова.

В конце XIX в. стремление радикалов к опоре на магическое начало еще вполне иронически отметил чуткий к духовно-общественным веяниям Герцен: «Физика нас оскорбляет своей независимой самобытностью, *нам хочется алхимии, магии*, а жизнь и природа равнодушно идут своим путём»¹. Невероятное усилие русских писателей и мыслителей конца XIX века хоть как-то повернуть Россию на путь христианства было в значительной степени продиктовано тем испугом, причину которого указал Ф.М. Достоевский, предъявив читателям угрозу «беса» Петра Степановича Верховенского: «Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...». Речь идет о восстании язычества против христианства, которое, как полагали русские мыслители начиная с Чаадаева, а уж с Соловьева тем более, основано на разуме. Христианство и разум были для него нераздельны. «Будучи решительной победою жизни над смертью, положительного над отрицательным, — писал В.С. Соловьев, — Воскресение Христово есть тем самым торжество разума в мире»². Об этом же и тревога С.Н. Булгакова, беспокоившегося о недостаточной укорененности христианства в русском народе: «Конечно, необразованный простолудин совершенно бессилён отнестись критически и безоружен, как ребенок, пред напльвом новых учений. И с той же легкостью, с какой уверовали в неверие некогда его просветители, принимает и он безрадостную, мертвящую веру в неверие. Разумеется, не приходится преувеличивать **сознательности** (выделено мной. — В.К.) и прочности этой его старой веры (в данном контексте — православия. — В.К.), разлагающейся иногда от первого прикосновения»³. Удар «неязычества» (т.е. большевизма) был тем сильнее, что народная вера, как показали русские богословы, включала в себя на равных правах веру во Христа и во всякую почвенно-языческую нечисть — то, что называется *двоеверием*.

Язычество, которое, по соображению русских мыслителей, сохранялось не только в России, но также и в Германии и в других вроде бы цивилизованных странах, вполне доказало свою жизнеспособность и силу, девестернизируя европейское сознание. С наступлением фашизма в письме Карлу Кереньи это констатировал Томас Манн: «Есть в современной европейской литературе какая-то злость на развитие человеческого мозга, которая всегда казалась мне не чем иным, как снобистской и пошлой формой самоотрицания. <...> С модой «на иррациональное» часто бывает связана готовность принести в жертву и по-мошеннически отшвырнуть достижения и принципы, которые делают не только европейца европейцем, но и человека человеком»⁴. Артур Кёстлер написал в своей автобиографии: «Я родился в тот момент (1905 г. — В.К.), когда над веком разума закатилось солнце»⁵. И вправду — уже недалеко было до фашизма и национал-социализма. Именно в закате разума Гуссерль увидел первопричину европейского кризиса: «Чтобы постичь противоестественность современного «кризиса», нужно выработать *понятие Европы как исторической телеологии бесконечной цели разума*; нужно показать, как европейский «мир» был рожден из идеи разума, т.е. из духа философии. Затем «кризис» может быть объяснен как *кажущееся крушение рационализма*. Причина затруднений рациональной культуры заключается, как было сказано, не в сущности самого рационализма, но лишь в его *овнешнении*, в его извращении «натурализмом». <...> Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума»⁶.

Но разум терпел поражение и на Западе, и в России. А теперь приведу слова Федотова: “Свобода пошатнулась в мире потому, что пошатнулась вера в истину и в разум как орган ее познания. Первыми предали свободу не массы, а культурная элита, с конца XIX века увлекаемая потоком иррационализма. <...> В безрелигиозной культуре, изверившейся в силу разума, чем может определяться живая активность? Инстинктом и слепой волей. Таково было трагическое мироощущение Ницше. Но задолго до него Маркс нанес сильнейший удар разуму в своем отрицании объективной, сверхклассовой истины. Маркс и Ницше царят над современностью как ее темные пророки, вызвавшие иррациональные бури сперва в царстве духа, потом в царстве политической воли. Их торжество в современном мире означает взрыв темного энтузиазма, и этот энтузиазм оказывается окончательно губительным для свободы, уже подточенной червем сомнения”⁷. Это и означало и закат Европы. Наступил XX век, эпоха магическая, эпоха языческого безумия, безграничных диктатур, когда идея подменялась словом-заклятием, которое давала власть над вошедшими в историю массами. Этот магизм эпохи наступающей эпохи чувствовали многие. Но достаточно сослаться на Шпенглера, признанного эксперта закатных эпох, который даже в современной ему естественнонаучной мысли почувствовал магию: “Обратим теперь внимание на то, каким образом сознание отдельных культур духовно уплотняет первоначальные *nutina*. Оно обкладывает их полными значения словами, *именами*, и заколдовывает — понимает, ограничивает — их на этот лад. Тем самым они подчиняются духовной власти человека, который имеет в своем распоряжении имена. А уже было сказано, что вся философия, всё естествознание, всё так или иначе связанное с “познанием”, есть в глубочайшей своей основе не что иное, как бесконечно утонченный способ *применять к “чуждому” магию слова первобытного человека*. Произнесение правильного имени (в физике правильного понятия) есть заклятие. Так возникают божества и научные основные понятия — прежде всего как имена, к которым взывают и с которыми связывается некое приобретающее все большую чувственную определенность представление”⁸. Вот эта-то магия обеспечивала внутреннюю, глубинную связь между носителями высокой духовности и массой, низводя элиту до массы.

О влиянии оккультизма на нацизм сегодня пишут многие. Но первым художественно-аналитическим исследованием на эту тему был роман Лиона Фейхтвангера “Братья Лаутензак”, написанный в 1943 г. (в рукописи он назывался “Чудотворец”). В романе сталкиваются два типа мышления: человека разумного Пауля Крамера и мага и кудесника Оскара Лаутензака. Оскар Лаутензак становится близким советником Гитлера. Крамера же носителя разума нацизм не приемлет и уничтожает. Однако Оскара Лаутензака из политических соображений — слишком многое знал — тоже убивают. И все же Фейхтвангер заканчивает роман словами о том, что магическое торжествует:

“За день до открытия академии оккультных наук все газеты поместили на первой странице под жирными заголовками сообщение о том, что Оскар Лаутензак зверски убит. При нем было большое кольцо, знакомое сотням тысяч людей, побывавших на его выступлениях, были драгоценности и деньги, но его не ограбили. Очевидно, убийство совершено по политическим мотивам. Оскар Лаутензак был для “красных” представителем национал-социалистской идеологии: они убили его из-за угла.

Фюрер распорядился устроить своему ясновидцу торжественные похороны за государственный счет. Гроб провозжала огромная толпа, несли много знамен и штандартов, оркестр исполнял траурные мелодии.

Сам Гитлер произнес речь на могиле Оскара Лаутензака.

— Это был один из тех, — провозгласил он взволнованным голосом, — кто колокольным звоном — музыкой души своей — возвещал становление создаваемой мною новой Германии”.

Г.П. Федотов замечал: “Для темной религии нового язычества гибель не страшна. <...> Юный наци готов погубить Германию, если вместе с ней погибнет ненавистная Европа”⁹.

Конечно, фашизм выводит страны, попавшие в его водоворот, за пределы Европы, но они и опасны Европе, ибо кровно связаны с ней. Приведу слова Федотова: “Всем прошлым своим связанные с Европой Германия и Россия, по крайней мере сейчас, остаются вне Европы как духовно-политического единства. Фашизм несовместим с традициями старой Европы, — более того, он для нее смертелен”¹⁰. Он не раз замечал, что этот мóрок охватил многие страны и не имеет локального национального смысла, это понятие охватывает разные культуры: “Имя “фашизм” создано в Италии и не принимается германскими наци, а тем более коммунистами. Но если согласиться употреблять его в широком смысле, обнимающим хотя бы Италию и Германию вместе, то всякое определение фашизма, которое могло бы быть органически выведено из анализа нового строя этих двух стран, неизбежно покроеет все тоталитарные режимы нашего времени. Возьмем политический строй, столь характерный для фашизма и небывалый в истории: соединение единоличной диктатуры вождя, единой правящей партии и пассивно-революционного возбуждения масс, непрерывно поддерживаемого аппаратом партии. Эта система создана, конечно, Лениным и воспринята всеми его соперниками — учениками”¹¹.

Самым страшным было то, что фашизм и нацизм были поддержаны многими русскими изгнанниками. Так, весьма искренний историк-эмигрант С.С. Ольденбург писал П.Б. Струве в 1922 г.: “Деятельность фашистов является огромным благотворным фактором — каковы бы ни были отдельные проявления. Это “революция” только по приемам, — вроде того, как Вы писали, что и русское белое движение должно было стать революционным по методам; — так вот фашисты сумели!”¹². А русский религиозный философ Иван Ильин в 1933 г. поначалу пытался оправдать нацизм — как антитезу большевизму: “Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе”¹³. Он писал: “Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем рассказам “очевидцев”, всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую переключку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту переключку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор”¹⁴. Надо сказать, что о “советофильстве” Германии 20-х гг. не раз писал и Ф.А. Степун. Но, в отличие от И.Н. Ильина, он находил в нацизме слишком много схожего с большевизмом. Позиция Ильина была неприемлема для него по многим причинам. И первую он выговорил отчетливо и повторял не раз: “С занятой мною точки зрения, освобождение родины хотя бы и вооруженной рукой дружественного государства надо считать лишь в принципе допустимым, фактически же всегда и

очень опасным и маложелательным. Не революционное минирование своей родины и не подготовка интервенций является поэтому главной задачей эмиграции, а защита России перед лицом Европы и сохранение образа русской культуры. К сожалению, старая русская эмиграция успешно исполнила лишь эту вторую задачу. Нет сомнения, что все созданное ею в научной, философской и художественной сфере со временем весьма ценным вкладом прочно войдет в духовную жизнь пореволюционной России”¹⁵. Более того, он полагал, что Россия и Германия слишком тесно сплелись в этих двух революциях — от поддержки Германией большевиков до поддержки нацистов Сталиным. Степун заметил, что и сами нацисты видят эту близость. Он фиксирует идеи Геббельса о том, что “Советская Россия самую судьбою намечена в союзницы Германии в ее страстной борьбе с дьявольским смрадом разлагающегося Запада. Кратчайший путь национал-социализма в царство свободы ведет через Советскую Россию, в которой “еврейское учение Карла Маркса” уже давно принесено в жертву красному империализму, новой форме исконного русского “панславизма””¹⁶.

Национализм как основа фашизма

о вроде бы была разница, и принципиальная, для многих. Я имею в виду интернационализм большевиков и национализм фашистов. В статье 1933 года Степун писал: “Национал-социализм страшнее большевизма” ибо Германия встала против всего мира. “В большевизме есть всемирность и потому острый соблазн для народов всех материков. Ничего подобного в национал-социализме нет. Кого, кроме немцев, может увлечь идея превосходства германской расы над остальными?”¹⁷ Однако он же добрую треть своей книги 1934 г. “Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution” (*Лик России и лицо революции*) посвящает анализу того, что ленинизм, по сути дела, явился националистической переделкой теории Маркса. Иными словами, интернационализм большевиков вполне переверсный. Не случайно, националистические токи пронизали весь российский организм: от ненависти к немецк-царице до Петрограда вместо Санкт-Петербурга и богатых, ставших буденовками. Для И. Бунина (“Окаянные дни”) и И. Шмелева (“Солнце мертвых”) революция и гражданская война — это восстание “орды”, “дикарей”, “готтентотов” и т.п. Хотя “дикари” кланутся книжной теорией Маркса, европейская книга, да и вообще Европа — под подозрением. Революционный почтмейстер в “Солнце мертвых” у И. Шмелева рычит: “Никакой за границы нету! одни контриционеры... мало вам писано? Будя, побаловали...” Все европейское моментально объявляется буржуазным. Напомню слова Максима Горького, ошеломленного октябрьской стихией: “В этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии”¹⁸.

Стоит остановиться на позиции Эрнста Юнгера, выдающегося представителя так называемой “консервативной революции”, пришедшего к концу 1930-х годов к конфликту с нацистским государством, но до этого, по сути дела, создавшего метафизику национал-социалистического государства. Уже в 1923 г. он писал о грядущей националистической революции: “Ее идея — идея почвенническая (völkisch), заточенная до невиданной прежде остроты, ее знамя — свастика, ее политическое выражение — сконцентрированная в одной точке воля, диктатура! Она заменит слово делом, чернила — кровью, пустые фразы — жертвами, перо — мечом”¹⁹. В 1927 г. он соглашается с Гитлером, что “сама национал-социалистическая идея должна приобрести такую глубину и такое значение, чтобы только она и никакая другая была признана в качестве германской идеи”²⁰. И, наконец, в 1929 г. формулировка Юнгера приобретает окончательную завершенность: “Национализм, поскольку он подразумевает *политическое* решение, стремится к созданию национального, социального, вооруженного и авторитарного государства всех немцев”²¹. Страсть и энергия, как видим, фантастические. Поскольку Юнгер отвергал возражения “*либеральных еврейских публицистов*” как чуждых почвенному “германскому духу”, то возразить ему должен был немец.

И немец Степун, прошедший опыт русской революции, отмечая, что в текстах Юнгера он имеет дело с “глубокими и честными страницами”²², тем не менее уже в 1930 г. выстраивает систему весьма серьезных возражений. Он констатирует позицию Юнгера, который “пророчествует о том, что мы только еще вступаем в эпоху небывалых жестокостей, и, забыв о кресте, восторженно призываем к мечу, который правдивее и миролюбивее... трусости. Его последние слова — родина и жертвоприношение”²³. И возражает: “В этих мыслях Юнгера таится темный соблазн. Корень в трагическом непонимании того, что для осуществления религиозного подвига, именуемого жертвоприношением, мало приносимого в жертву существа и алтаря; что необходима еще и живая вера в Бога. Родина может быть алтарем, на котором мы приносим себя в жертву Богу. Но она не может быть Богом. Утверждение родины в достоинстве Бога равносильно отрицанию Его, а тем самым превращению алтаря не только в простой стол, но, что гораздо хуже, в ту плаху, которою обыкновенно кончают исповедники религии патриотизма. Возможность такого превращения, такого национал-социалистического коммунизма наизнанку явно чувствуется в книге Юнгера”²⁴.

Надо сказать, что друг Степуна, теолог Пауль Тиллих писал еще более жестко о подобных поворотах мысли: “Язычество можно определить как возвышение конкретного пространства на уровень предельной ценности и достоинства. В языческих религиях есть бог, власть которого ограничивается строго установленным местом. <... >Лишь когда один Бог — исключительно Бог, безусловный и не ограниченный не чем иным, кроме Себя Самого, только тогда мы имеем дело с истинным монотеизмом, и только тогда разрушается власть пространства над временем”²⁵. Тем не менее, несмотря на опыт гитлеризма, в который он было поверил поначалу, изгнанный нацистами в 1934 г. из Германии русский философ Иван Ильин попытался найти оправдание национализму, сопрягая несопрягающееся, изображая национализм (по крайней мере, русский) тесно связанным с разумом: “Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить надобно в Бога, а не в земные состояния. Россия перед лицом Божиим, в Божьих дарах утвержденная и в Божьем луче узренная — есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной”²⁶.

Эта позиция уже была заявлена, но честнее. Ибо Тютчев прекрасно понимал, что вера в место несовместима с разумом:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать —

В Россию можно только верить

Нередко тютчевский катрен соотносили и соотносят с известной фразой германского “железного канцлера” Отто фон Бисмарка: “Никогда не воййте с русскими”. Правда, эту утешительную для русского самолюбия фразу Бисмарк продолжил иронически, хотя и в духе непонимания России умом: “На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью”. Бисмарк знал Россию, был здесь послом, в трудные минуты часто употреблял волшебное русское слово, обращаясь к себе: “Ничего, Бисмарк, ничего”. В том смысле, что выкрутимся. По легенде, это слово сказал ему ямщик, когда их застиг в степи буран. Надежды не было никакой. Но ямщик сказал: “Ничего, барин, ничего. Выберемся”. И выбрались. Ни логике, ни умению возницы это спасение не соответствовало. Просто вера, как у Тютчева. Классическое русское “авось, была не была”.

Поэт не может найти ничего утешительного, кроме смиренности и долготерпения, ибо не в состоянии понять *смысл* существования России. Тем более “не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный...”. Только почвенно, кровно сросшийся с Россией поэт может не осознать, нет, это невозможно, — но *почувствовать нечто*, а потому и поверить. “Верую, ибо абсурдно” (слова, приписываемые Тертуллиану). Это было сказано на заре “темных веков”. Однако так верили в ту эпоху в Бога как Непостижимого. Позже западная теология доработалась до веры через разум, и, начиная с Августина уже звучало: “Верую, чтобы понимать”. Но у Тютчева вообще происходит коренная подмена: *вера не в Бога, а в место*. То есть вера в Россию, что подтверждал и Ильин, как в “предмет веры”. А это уже чисто языческая локализация веры, требующая магических обрядов. И чревато это определенными последствиями, ибо, как писал Г.В. Флоровский, в национализме славянофилов “создается своего рода магическая философия истории”²⁷.

Федотов, разумеется, понимал, что дело “в болезни национального сознания”²⁸, но отмахнуться от этой болезни нельзя, и он был беспощаден в оценке национализма, который, на его взгляд, самое страшное явление и для России, и для Европы — явление, продуцирующее фашизм: “Есть доля правды в утверждении, что национализм становится мировой опасностью лишь в фашистском, тоталитарном государстве. <...> Но сам фашизм является скорее порождением националистической горячки, чем ее отцом”²⁹. Замечу, что Ханна Арендт видела в тоталитарных пандвижениях (в том числе в нацизме и большевизме) пробуждение племенного национализма, трайбализма.

Для Федотова было также ясно одно: “Вчера можно было предсказывать грядущий в России фашизм. Сегодня он уже пришел. Настоящее имя для строя СССР — национал-социализм. Здесь это имя более уместно, чем в Германии, где Гитлер явно предал национал-социалистическую идею. Сталин, изменяя коммунизму, становится национал-социалистом; Гитлер, изменяя себе, превращается в вульгарного националиста. Во всяком случае, кровное родство между фашистской группой держав, включая Россию, несравненно сильнее их национальных отличий. <...> Национализм торжествует во всем мире: в демократиях, в фашистских государствах и в псевдо-коммунистической псевдореспублике. <...> В фашизме он агрессивен, <...> принимает форму социальной религии, требующей человеческих жертв”³⁰.

Россия всегда воспринималась как историко-культурное образование, губительное для Западной Европы. Но никто не ожидал, что Россия использует западные идеи для создания снаряда, губительного для всей европейской культуры: “Октябрь был *первым* в истории опытом *политического фашизма*, который из орудия коммунистической революции стал формой буржуазной реакции в половине Европы. <...> Не одна Россия, а весь мир может благодарить Ильича за создание фашистской системы государства. Сравнительно с тем страшным разрушением, которое производит фашизм в системе культуры и духовного строя личности, второстепенное значение имеет вопрос об экономической системе фашизма: в интересах каких классов — пролетариата, буржуазии или средних слоев — используется чудовищный аппарат тоталитарного государства? **Здесь перед нами один из тех случаев, когда форма важнее содержания** (выделено мною. — В.К.). Как при оценке инквизитора мало значения имеет его *credo*, Торквемада это или Дзержинский, так и при оценке фашизма идеология и политическая родословная диктатора отходят на задний план. Фашистская система, созданная Лениным (и названная им советской), оказалась непревзойденной, — во всяком случае, в издании его преемника. Все иностранные копии оказались уже смягченными”³¹.

Соратник Федотова по “Новому Граду” Степун тоже чувствовал, как Германия скатывается туда же, куда уже скатилась Россия: “в преисподнюю небытия”. В 1931 г. он писал своему другу Густаву Кульману: “При помощи теории Ницше и Бахофена, теории мифа и органического мышления, насаждается среди немецких народных учителей такой тупоумный шовинизм, что становится прямо-таки страшно за судьбу Германии и человечества. Насаждается сознательное, натуралистическое язычество, метафизическое мышление принудительно отделяется от этического, государство изображается, как мистерия крови, история преподносится в мифически-патриотическом порядке. Главы истории, Рейн, восточная граница и немецкие меньшинства. Такая помесь Ницше и Иловайского, мифа и провинциальной оперы, что прямо-таки дышать нечем. И это все забивается в головы народных учителей в порядке принудительного слушания философских курсов. Решительно иной раз кажется, что в Германии, при всех ее великих дарах, не дано дара политической мысли”³². Он видел и писал, что обе идеократии пытаются разрушить христианство, создавшее когда-то европейскую культуру. Только непонятно, что для христианства страшнее. Он фиксирует это различие: “Государственная власть России вскрывает раки с мощами, налаживает скоморошью потехи вокруг алтарей, взрывает церкви, расстреливает священников; а государственная национально-социалистическая партия Германии развешивает по церквям флаги со свастики, полупринудительно насаждает “коричневое, солдатское христианство” и

проповедует Христа как арийца, восставшего против еврейского закона Моисея”³³.

Тема антисемитизма

Сергий Булгаков так определял господствовавшую в нацистской Германии историософию Розенберга: “В связи с крайним антисемитизмом, свойственным всему современному германизму, здесь утверждается полный разрыв Ветхого и Нового Завета”³⁴. Ариец Христос против еврея Моисея! Это была попытка нацистов найти якобы “христианское” объяснение своему антисемитизму. Но для русских изгнанников расизм и антисемитизм — откровенные враги христианства. Стоит еще раз сослаться на текст С.Н. Булгакова. В статье “Расизм и христианство”, созданной в 1941-1942 гг., он писал: “Расизм есть послехристианское и постольку и антихристианское язычество, в котором Христос заменяется нео-Вотаном, а почитание Богоматери — человекобожеским культом крови. Немецкая кровь есть бог расизма, этого нового язычества”³⁵. В этом контексте русские христианские мыслители видели всечеловечность (в идеале) еврейства как божественной задачи: “Своим избранничеством народ Божий не исключается, но включается во все человечество, как самая его сердцевина и средоточие”³⁶.

Так случилось в мировой истории (христианский и мусульманский ареал), что развитие этих ареалов определялось и позиционировало себя по отношению к еврейству. В XX веке актуальность этой темы доказал (от противного) Холокост. Шесть миллионов уничтоженных в лагерях смерти евреев есть факт, миновать нельзя. Ни один народ не подвергался такому тотальному уничтожению просто за то, что был именно *этим*, а не *другим* народом. В каком-то смысле это напоминало языческие жертвоприношения. И жертвой был избран народ, который первым попытался вывести человечество за пределы племенного язычества.

Ханна Арендт писала: “Понимание <...> означает непредвзятую, собственную готовность встретить реальность, какой бы она ни была. <...> В таком плане следует воспринять и понять тот ошеломляющий факт, что столь незаметное (а в мировой политике и столь незначительное) явление, как “еврейский вопрос” и антисемитизм, могло послужить катализатором сначала нацистского движения, затем мировой войны и, наконец, учреждения “фабрик смерти”. <...> Это правомерно и относительно любопытного противоречия между циничным “реализмом”, провозглашаемым тоталитарными движениями, и их бросающимся в глаза пренебрежением ко всем моментам реальности”³⁷.

Пренебрежение реальностью есть своего рода ритуальная магия, а магическое жертвоприношение — элемент националистического самоутверждения.

Не случайно Федотов обращал внимание на губительность фашизма для еврейства: “Фашизм есть движение национальной и социальной революции, обращенное против всей культуры XIX века, особенно против интеллектуализма и либерализма. Каждый из этих моментов несет угрозу еврейскому народу”³⁸. Ханна Арендт отметила, что в Новое время любая революция, любой тоталитаризм начинается с антисемитизма. Ницше, впоследствии отрицавший еврейство, однако утверждал, что в Средние века еврейство спасло Европу от мусульманской угрозы, интеллектуально защитив европейские ценности. Он писал: “В самую темную пору Средневековья, когда азиатские тучи тяжело облегли Европу, именно иудейские вольнодумцы, ученые и врачи удержали знамя Просвещения и духовной независимости под жесточайшим личным гнетом и защитили Европу против Азии; их усилиям мы по меньшей мере обязаны тем, что могло снова восторжествовать более естественное, разумное и, во всяком случае, немифическое объяснение мира и что культурная цепь, которая соединяет нас теперь с просвещением греко-римской древности, осталась неповрежденной. Если христианство сделало все, чтобы “овосточить” Запад, то иудейство существенно помогало возвратной победе западного начала; а это в известном смысле равносильно тому, чтобы сделать задачу и историю Европы *продолжением греческой задачи и истории*”³⁹.

Об этом же писал и Федотов: “Подобно римскому католицизму, подобно (увы, столь хилому) культурному единству “республики ученых”, еврейство было одной из немногих сил, которыми держалось единство европейской культуры. Когда какая-либо нация хочет насильственно оборвать все связи, которые соединяют ее с человечеством, она прежде всего находит евреев и мстит им”⁴⁰. Об этой необычайной, но чрезвычайно важной роли еврейства в становлении европейской культуры — по разным причинам — стараются не поминать. Хотя все антиевропейские движения рано или поздно приходили к антисемитизму. Пожалуй, прежде всего потому, что европейская культура как культура, обнимающая все национальности, в каком-то смысле наднациональна и потому ненавистна националистам всех мастей. Если же к этому добавиться роль еврейства в сохранении культуры, к ненавистникам европеизма присоединятся еще и антисемиты. Но, с другой стороны, они и так ненавидят европеизм, пытающийся вычленив из первобытной массы Лицо, Лик, человеческую личность. А именно личность в XX веке стала, быть может, наиболее страдательным элементом исторического процесса. По словам Марка Алданова, “история предоставила расизму выбор между анекдотом — и кровью”⁴¹. Расизм, как мы знаем, выбрал кровь. Более того, в ненависти к евреям. Или, по точному словоупотреблению Х. Арендт, современный антихристианский антисемитизм на самом деле был проявлением ненависти тоталитарных систем к общеевропейской вере, создавшей Европу, — к христианству. Стоит присоединиться к французскому философу: “Не из-за того, что евреи убили Христа, а из-за того, что они дали миру Христа, ярость гитлеровского антисемитизма преследовала евреев на всех дорогах Европы”⁴². У большевиков марксистский антисемитизм, правда, вполне сочетался с антисемитизмом православно-черносотенным.

Фашизм как восстание масс

1930 г. была опубликована книга “Восстание масс”, ставшая всеевропейским бестселлером, где Ортега-и-Гассет писал:

“В настоящее время мы наблюдаем в европейской общественной жизни явление чрезвычайного значения, а именно приход масс к неограниченной власти в обществе. Поскольку массы уже по самой своей природе не должны и не могут управлять собственным существованием и тем более управлять обществом, это означает, что Европа переживает сейчас самый тяжелый кризис, который только может затронуть народы, нации и культуры”⁴³.

Эта идея была использована Федотовым для понимания феномена фашизма: “Одна из самых страшных черт нашего времени — это попрание свободы со стороны восставших масс. Мы привыкли ждать угрозы для свободы от королей, стремящихся к самодержавию, от генералов, идущих на захват власти. Но эта схема XIX века совершенно непригодна для объяснения событий нашего времени. Опасность пришла не с той стороны, откуда ее ждали. Свободу разрушает восставший в разных революциях, под разными знаменами народ, отдавший свою волю, свою совесть в руки врагов свободы”⁴⁴.

XX век давно и привычно ассоциируется у нас с явлением на сцене истории такого количества людей, что они получают специальный термин — массы. Век этот так же знаменит и обилён тоталитарными режимами, опиравшимися на массы и эти массы в большом количестве уничтожавшими. Разумеется, феномен этот начали исследовать с первыми проблесками нового явления. И в этом ряду исследователей Элиас Канетти (трактат “Массы и власть”) был далеко не первым. Можно сказать, что из мыслителей, оказавших влияние на последующее понимание взаимоотношения массы и власти, он оказался едва ли не последним. Скажем, в 1895 г. вышла книга “Психология массы” французского психолога Гюстава Ле Бона⁴⁵ (уже в 1908 г. она была переведена на немецкий). И, похоже, она даже стала чем-то вроде учебного пособия, как властным представителям массы управляться с массой, обреченной на уничтожение. (Эта книга, как мне довелось видеть, находилась в лагерьной библиотеке Бухенвальда, ее читали охранники).

Об этом феномене писали и культурфилософы, и политики, использовавшие его вполне корыстно, хотя корысть, как ей и свойственно, была смертельна для тех, кто ей следовал. Уроки истории показали, что вожди масс были обречены на гибель вместе с закатом возглавляемого ими движения. Можно вспомнить и великую историософскую книгу О. Шпенглера “Закат Европы”, и трактат Ортеги-и-Гассета “Восстание масс”, и знаменитейший текст З. Фрейда “Массовая психология и анализ Я”. Нельзя миновать работы Р. Гвардини и Э. Юнгера, не говоря уж о текстах властных вождей XX века — Гитлера и Ленина. Скажем, Гитлер вполне учитывал психологию масс, когда писал в “Mein Kampf”, что психика широких масс совершенно невосприимчива к слабому и половинчатому, что масса больше любит властелина, чем того, кто у нее чего-либо просит. Фюрер нацизма был уверен, что масса чувствует себя более удовлетворенной таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, чем допускает различные либеральные волюнты. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и при этом даже чувствует себя покинутой. Строго говоря, Ленин в своем отношении к массе Ленин мало чем отличался от немецкого лидера. Уже после победы Октябрьской революции он тоже попытался сформулировать эту проблему, уходя от марксистских догм, а именно: проблему “масса — класс — партия — вождь”, в конечном счете понимая, что речь идет о борьбе за новую реальность, за массу: “Пока речь шла (и поскольку речь еще идет) о привлечении на сторону коммунизма авангарда пролетариата, до тех пор и постольку на первое место выдвигается пропаганда; даже кружки, имеющие все слабости кружковщины, тут полезны и дают плодотворные результаты. Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении — если позволительно так выразиться — миллионных армий, о расстановке *всех* классовых сил данного общества для *последнего и решительного боя*, тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин “чистого” коммунизма ничего не поделаешь. Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководивший еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов”⁴⁶. Тут-то таится разгадка победы большевиков. Как писала Ханна Арендт: “Тоталитарные движения нацелены на массы и преуспели в организации масс, а не классов, как старые партии, созданные по групповым интересам”⁴⁷. Но массы не живут разумом, они живут вполне иррациональным инстинктом. Мережковский как-то заметил (в передаче Алданова), что обсуждать идеи нацистской толпы “все равно, что обсуждать идеи саранчи: новое и важное у них — это та *температура*, которую они создали”⁴⁸.

Впрочем, как я уже писал, тема массы и тоталитаризма была едва ли не самой существенной для осмысления судьбы XX века. Ханна Арендт писала: “Тоталитарные режимы, пока они у власти, и тоталитарные вожди, пока они живы, “пользуются массовой поддержкой” до самого конца. Приход Гитлера к власти был законным, если признавать выбор большинства, и ни он, ни Сталин не смогли бы остаться вождями народов, пережить множество внутренних и внешних кризисов и храбро встретить несчетные опасности беспощадной внутрипартийной борьбы, если бы не имели доверия масс. <...> В привлекательности зла и преступления для умственного склада толпы нет ничего нового”⁴⁹. Интересно, что русские мыслители-эмигранты, за исключением Федотова, почти не уделяли внимания этому феномену. Ибо они воспринимали, как это ни грустно, взбунтовавшийся и изгнавший их русский народ в славянофильской парадигме как носителя некоторых важных смыслов, забывая, что толпа не обладает высокими смыслами. А русский народ стал толпой, массой, с которой и управлялись фюреры — Ленин, Троцкий, Сталин.

Что можно противопоставить иррационализму?

Борьба с кумирами — одна из тем русской пореволюционной эмиграции, достаточно напомнить книгу С.Л. Франка “Крушение кумиров”. Для Федотова борьба с кумирами — непременное условие свободной мысли, противостоящей иррационализму; эта мысль всегда тлела подспудно, но тут вышла на поверхность: “Слова — идолы, иконы ложных или истинных богов. Вглядимся в некоторые из этих кумиров, чтобы решить, стоит ли защищать их или лучше им сгореть в общем пожаре? Ответ — на этот вопрос зависит от того, — какие — мнимые или истинные — святые в них воплощаются”⁵⁰.

Разумеется, Федотов обращался не к массам, а к интеллектуалам, к людям разума и радио. Поэтому он не мог не рассчитывать на их поддержку в анализе современной ситуации как ситуации торжества иррационализма: “Убедившись, что борьба с рационализмом в современности есть борьба с разумом, а не с его злоупотреблениями,

позволительно спросить себя: какова должна быть религиозная оценка самого иррационализма? Если рационализм может быть ересью, то иррационализм всегда ею является. Ибо рационализм, по своему формальному определению, не содержит отрицания других, кроме разума, источников веры и жизни. Иррационализм же представляет такого рода отрицание (и только отрицание) одной божественной способности человека, одной стороны в его “образе Божием”, и при том той, которая была главенствующая для христианской древности. Лишенный разума, *anima rationalis* схоластиков, человек перестает быть человеком, т.е. тем “умным”, “словесным” существом, каким называет его греческая Церковь⁵¹. Подобная установка сказывалась и на языке, который, по сути дела, атрофировался.

Как писал Виктор Клемперер (кстати, коллега Степуна по Дрезденской высшей технической школе) в своей знаменитой книге: “Язык Третьей империи стремится лишить отдельного человека его индивидуальности, оглушить его как личность, превратить его в безмозглую и безвольную единицу стада, которое подхлестывают и гонят в определенном направлении, сделать его частицей катящейся каменной глыбы. LTI (Lingua Tertii imperii. — В.К.) — язык массового фанатизма. Там, где он обращается к отдельному человеку, и не только к его воле, но и к его мышлению, там, где он является учением, он учит способам превращения людей в фанатичную, подверженную внушению массу⁵².”

У Федотова было отчетливое, но все же явно публицистическое соображение. Благородное, точное, очевидное: из соображений того рода, какое было некогда высказано Владимиром Соловьевым: мол, надо заменить извечный русский вопрос “Что делать?” на другой — “Кто делатель?”. Не получилось. Трагично бытие людей, желающих понимать. Реальность, утвердившаяся на почве бесчеловечного мифа, отрицавшего разум, была безусловно и категорически отвергнута Осипом Мандельштамом, искавшим опору именно в разуме, в рацио. В статье “Девятнадцатый век” (1922) он сформулировал это: “Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие, согреть его телеологическим теплом — вот задача потерпевших крушение выходцев девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк. <...> Теперь не время бояться рационализма. Иррациональный корень надвигающейся эпохи, гигантский, неизвлекаемый корень из двух, подобно каменному храму чужого бога, отбрасывает на нас свою тень. В такие дни разум — *ratio* энциклопедистов — священный огонь Прометея⁵³. Поэт оказался прозорливее многих своих современников, винувших во всех бедах нашей жизни рационализм западной теории.

В этой же парадигме и позитивная установка Федотова: “Возвращение в мир свободы возможно только при возвращении разуму его водительского (не тиранического) положения в составе духовной природы. Образ, привычный древности: разум — возница, управляющий колесницей страстей, хотя и не возница, в конечном счете, определяет направление пути и выбор конечной цели. Пока разум не восстановлен в своих правах в духовном мире, свобода будет гибнуть жертвой энтузиазма⁵⁴.”

Желая свободы мысли, возможности самореализации, мы встаем перед неимоверно сложной проблемой. Можем ли мы рассчитывать хоть как-то повлиять на исторический процесс? Говоря словами поэта, “европеизировать и гуманизировать” его? Очевидно, не более того, чем это удалось самому Мандельштаму. Однако ему и другим “потерпевшим крушение” в XX столетии гуманистам на самом деле удалось многое. Они сохранили и передали нам свое отношение к миру. Насколько эта установка может оказаться действенной в преображении людской массы? Очевидно, не более, чем социально безнадежная, но все же преобразующая мир позиция Христа.

Примечания

¹ Герцен А.И. С того берега // Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 24 (курсив мой. — В.К.).

² Соловьев В.С. Христос воскрес! // Соловьев В.С. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 10. С. 37.

³ Булгаков С.Н. Религия человекобожия в русской революции // Булгаков С.Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов. М.: Астрель, 2008. С. 428.

⁴ Манн Томас. Письма. М.: Наука, 1975. С. 61-62.

⁵ Koestler A. Arrow in the blue: an autobiography. New-York: Macmillan Co., 1952. P. 9.

⁶ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 115.

⁷ Федотов Г.П. Восстание масс и свобода // Федотов Г.П. Защита России. Paris: YMCA-PRESS, 1988. С. 83.

⁸ Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. I. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 591.

⁹ Федотов Г.П. Восстание масс и свобода. С. 83-84.

¹⁰ Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Собр. соч. в 12-ти т. Т. IX / Примеч. С.С. Бычкова. - М.: Мартис, 2004. С. 32.

- ¹¹ Федотов Г.П. Как бороться с фашизмом? // Там же. С. 72.
- ¹² Из писем С.С. Ольденбурга П.Б. Струве // Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг. Документы и материалы. М.: Владос, 1999. С. 129.
- ¹³ Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух. I // Возрождение, Париж 1933, 17 мая. <http://iljinru.tsygankov.ru/works/vozt170533.html>
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Степун Ф.А. Родина, отечество и чужбина // Новый журнал. Нью-Йорк. 1955. Кн. 43. http://www.krotov.info/lib_sec/18_s/ste/pun.htm
- ¹⁶ Степун Ф. Письмо из Германии. (Национал-социалисты) // Степун Ф.А. Сочинения / Сост. вступ. статья, примечания и библиография В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 890.
- ¹⁷ Степун Ф.А. Германия “проснулась” // Степун Ф.А. Жизнь и творчество / Вступ. статья, составление и комментарии В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 619.
- ¹⁸ Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. С. 99.
- ¹⁹ Юнгер Эрнст. Революция и идея // Юнгер Эрнст. Националистическая революция / Перевод, сост. и комментариев и послесловие А.В. Михайловского. М.: Скимень, 2008. С. 10.
- ²⁰ Юнгер Эрнст. Национализм и национал-социализм // Юнгер Эрнст. Там же. С. 117.
- ²¹ Юнгер Эрнст. “Национализм” и национализм // Юнгер Эрнст. Там же. С. 164.
- ²² Степун Ф. Германия // Степун Ф.А. Сочинения. С. 873.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Тиллих П. Теология культуры // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. (Лики культуры / Гл. ред. и составитель С.Я. Левит). Часть первая. М.: Юрист, 1995. С. 258.
- ²⁶ Ильин Иван. О русском национализме. М.: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 15.
- ²⁷ Флоровский Г.В. Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. С. 51.
- ²⁸ Федотов Г.П. Сумерки отечества // Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Paris: YMCA-PRESS, 1982. С. 145.
- ²⁹ Федотов Г.П. Новое отечество. С. 28.
- ³⁰ Федотов Г.П. Новый идол // Федотов Г.П. Тяжба о России. Paris: YMCA-PRESS, 1982. С. 183-184.
- ³¹ Федотов Г.П. Октябрьская легенда // Федотов Г.П. Защита России. Paris: YMCA-PRESS, 1988. С. 151-152.
- ³² Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.
- ³³ Степун Ф. Христианство и политика // Степун Ф.А. Сочинения. С. 399.
- ³⁴ Булгаков Сергей, прот. Христианство и еврейский вопрос. Paris: YMCA-Press, 1991. С. 20.
- ³⁵ Там же. С. 54.
- ³⁶ Там же. С. 42.
- ³⁷ Арент Ханна. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 30.
- ³⁸ Федотов Г.П. Новое на старую тему. К современной постановке еврейского вопроса // Федотов Г.П. Собр. соч. в 12-ти тт. Т. IX. / примеч. С.С. Бычкова. - М.: Мартис, 2004. С. 8.
- ³⁹ Ницше Фридрих. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Фридрих. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. С. 448-449.
- ⁴⁰ Федотов Г.П. Новое на старую тему. С. 8.

- ⁴¹ *Алданов Марк*. Гитлер // *Алданов Марк*. Картины Октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб.: Р Х Г И, 1999. С. 241.
- ⁴² *Маритен Жак*. Тайна Израиля // *Маритен Жак*. Избранное: Величие и нищета метафизики / Пер. с французского. М.: РОССПЭН, 2004. С. 418-419.
- ⁴³ *Ортега-и-Гассет Хосе*. Восстание масс // *Ортега-и-Гассет Хосе*. Дегуманизация искусства и другие работы. Сборник. М.: Радуга, 1991. С. 40.
- ⁴⁴ *Федотов Г.П.* Восстание масс и свобода // *Федотов Г.П.* Защита России. Paris: YMCA-PRESS, 1982. С. 80.
- ⁴⁵ См. русское издание: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.
- ⁴⁶ *Ленин В.И.* Детская болезнь левизны в коммунизме // *Ленин В.И.* П.с.с. Т. 41. С. 79.
- ⁴⁷ *Арендт Ханна*. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 411.
- ⁴⁸ *Алданов Марк*. Гитлер. С. 232.
- ⁴⁹ *Арендт Ханна*. Истоки тоталитаризма. С. 408-409.
- ⁵⁰ *Федотов Г.П.* Эссе homo // *Федотов Г.П.* Собр. соч. в 12-ти т. Т. 2. М.: Мартис, 1998. С. 250.
- ⁵¹ Там же. С. 263.
- ⁵² *Клемперер Виктор*. ЛТД. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 35.
- ⁵³ *Мандельштам О.* Девятнадцатый век // *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. С. 271.
- ⁵⁴ *Федотов Г.П.* Восстание масс и свобода. С. 84.

в начало страницы

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | О проекте

Реклама от Google

[ФИЛОСОФИЯ](#)

[В ИТАЛИИ](#)

[ВЕКА](#)

[ЕВРЕИ](#)